

А. В. ЗЕЛЕНИН, Д. В. РУДНЕВ

СВЯЗОЧНЫЙ ГЛАГОЛ *СЛЫТЬ*: ИСТОРИЯ МОДАЛИЗАЦИИ

Вступительные замечания

К настоящему моменту существует несколько семантических классификаций связок (А. М. Пешковского, В. И. Чернова, П. А. Леканта, Л. В. Поповой и др.), однако они не позволяют однозначно отнести некоторые связочные глаголы к той или иной группе, так как их семантика оказывается диффузной. Изучение таких диффузных связочных глаголов представляет особый теоретический интерес, так как их наличие в языке ставит вопрос о сложном характере взаимодействия семантических групп связочных глаголов между собой. К числу связок диффузной семантики относится глагол *слыть*.

Глагол *слыть* относят к числу связок, которые участвуют в выражении мнимости признака, его кажимости¹. «Кажимость вариативна, для нее характерны следующие признаки: двуплановость (совмещение реального и кажущегося); наличие наблюдателя или самонаблюдателя; чувственное восприятие ситуации наблюдателем (в образах, ощущениях, впечатлениях, воспоминаниях)» [Баринова 2012: 28]. Группа глагольных связок со значением кажимости (Н. Д. Арутюнова именуется ее «к-модальностью»)² представлена разветвленной сетью лексем: внешней достоверности (*считаться*, *почитаться* и др.), мнимой подлинности (*притворяться*, *прикидываться* и др.), подлинности восприятия (*выглядеть*, *смотреться* и др.). Связки

¹ Термин *кажимость* — калька с нем. *Anschein*, используемая как в философской, так и в лингвистической литературе [Хайдеггер 1997: 28–29]. Краткий обзор современного состояния в изучении категории кажимости в грамматике представлен в диссертационных исследованиях: [Хельмянова 2016: 11–34; Семенова 2007].

² «К-модальность зарождается в сфере непосредственного восприятия мира» [Арутюнова 1999: 834]; ср. также некоторые английские термины для данного грамматического феномена: «условно-реальный», «как-бы-бытийный» (inferential-like [Aikhenvald 2004: 85]), «малоочевидность» (weak-evidentiality [Ifantidou 2001: 170]).

Александр Васильевич Зеленин, Университет Тампере
Дмитрий Владимирович Руднев, Санкт-Петербургский государственный университет

слыть и *считаться* (а также выделяемое некоторыми лингвистами словосочетание-связка *пользоваться славой/репутацией*) имеют значение «общеизвестной достоверности» [Барина 2012: 29], «общего мнения (или условленности)» [Лекант 1995: 94], «вероятной, “проблематической” достоверности» [Попова 2013: 24], «знания опосредованного или заочного» [Петроченко 2006: 13], «модальности недостоверности» [Ильенко 2009: 101].

Связки *слыть* и *считаться* являются синонимичными (в качестве синонимов их отмечает А. П. Евгеньева [Сл. син., 2: 527]). Современные словари не фиксируют стилистических нюансов в глаголах *слыть* и *считаться*, тем не менее очевидно, что первый является книжно-литературным, а последний — нейтральным, стилистически немаркированным.

Глагол *слыть* имеет некоторые отличия от *считаться* в способах выражения присвязочной части: так, он может сочетаться с именными группами «под именем, под названием кого-, чего-либо» [БАС, 13: 1302], например: *Степан Владимырьч (...)* *слыл в семействе под именем Степки-балбеса и Степки-озорника* (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880) [Национальный корпус русского языка, далее — НКРЯ]); *С отроческих лет [Щетинников] подавал надежды, что не пропадет, и в гимназии слыл под прозвищем «бессовестного» за отвагу, с какою он разрешал разные этические вопросы* (Станюкович. «Бесшабашный» (1891) [НКРЯ]). Подобная сочетаемость присуща связке *слыть* и в современных текстах, например: *В народе врачеватели из этой семьи слыли под прозвищем Маши-пураш, так как один из них когда-то занимался продажей мasha* [Ершов. Навстречу тайне (1989): 223], однако это явление следует отнести скорее к угасающим фактам узуса.

Такое употребление связочного глагола *слыть* свидетельствует о том, что он частично смыкается с группой связок именования³; таким образом, связка *слыть* в современном употреблении оказывается бифункциональной: с одной стороны, она выражает значение кажимости, с другой — участвует в формировании смысловой группы глаголов со значением именования.

Глагольная связка *слыть* в современном русском языке — продукт длительной исторической эволюции. Развитие значения ‘считаться’, то есть процесс модализации⁴, обозначило вхождение глагола в группу глаголов-

³ Особенности их функционирования в современном русском языке с исчерпывающей полнотой отражены в работах Л. В. Поповой [Попова 2011а; 2011б].

⁴ Понятие модализации широко используется в современной лингвистике для описания различных явлений. В нашей работе под модализацией понимается семантическая трансформация лексемы, ведущая к ее перемещению из состава средств выражения диктума в состав средств выражения модуса, а также результат этого процесса. В современном русском языке связка *слыть* участвует в выражении квалификативных модусных категорий авторизации и персуазивности (о квалификативных модусных категориях см.: [Шмелева 1988: 35—39]; о взаимодействии авторизации и персуазивности см.: [Копытов 2004]).

связок со значением кажимости. Это повлекло за собой изменение в семантике самого глагола и преобразование присвязочной части.

Задачей настоящей статьи является показать этапы вхождения глагола *слыть* в группу связок кажимости, хронологически проследив семантические и грамматические модификации, происходившие в структуре значения.

1. Древнерусский языковой материал

В современных словарях значение связки *слыть* определяется как ‘быть известным в качестве кого-, чего-либо’, ‘считаться кем-, чем-л.’ [БАС, 13: 1302; СРЯ, 4: 146], ‘быть широко известным в качестве кого-, чего-л., иметь репутацию кого-л.’ [Сл. син., 2: 527]. Глагол *слыть* в древнерусском языке имел графико-фонетические и семантические отличия от современного употребления. Во-первых, звуковой облик этого глагола отличался от современного: с начала письменности он имел инфинитив *слути*, а в настоящем времени имел основу *слов-* (*слову/словешу/словеть* и т. д.). Исходный звуковой облик этого глагола сохранился в современном словенском языке, в других славянских языках он претерпел изменения. В старорусский период (с XV–XVI вв.) распространяется употребление инфинитива в форме *слыти/слыть*, что, возможно, было вызвано или польским влиянием (ср. польск. *ślupać*, фиксирующееся с 1440-х гг. [Słownik staropolski, 8/4: 312–313]⁵), или другими сходными глаголами (типа *плыть*). Основа инфинитива вызвала изменение основы настоящего времени, в которой вместо гласной *-о-* начинает употребляться гласная *-ы-*⁶. В течение XVII в. старая

⁵ Форма *слынуть* зафиксирована только в смоленских говорах, что скорее говорит о непосредственном проникновении из польского или через белорусский: *слынуть* ‘быть известным в качестве кого-, чего-л.’ *Слынуть кем-л. Он слынул знахарем.* Смол., 1914 [СРНГ, 38: 323].

Ср. в поэзии западнорусского поэта и просветителя Дамиана Наливайко (?–1627, Острог):

*Народе християньскій, межи котрым слынул,
поневаж, же юж вѣкъ мой от мене уплынул,
И свѣтъ тот чудный въ окомгненю минул...*

(цит. по: <http://litopys.org.ua/ukrpoetry/anto17.htm>).

Также в старобелорусском: [Д]ом Скуминов в Литве ясне слынетъ и будетъ завжды слынутъ, поки свет не минет (1591) [Старажыт. беларус. літ.: 244].

⁶ Аналогичные изменения характерны для глагола *плыть*, который в древности имел инфинитив *плути* и основу наст. вр. *плов-* (ср. совр. *плвец, пловчиха*). По мнению некоторых исследователей, небольшая группа общеславянских глаголов типа *sluti, pluti* могла выступить инициатором грамматического процесса комплементации основ настоящего времени на *-ovati* новыми основами инфинитива на *-uti*: *kovati* (XI в.) > *kuti* (XVI в.; польск.), *snovati* (XI в.) > *snuti* (XIX в.), *žvati* (XII в.) > *žuti* (XIV в.; старочешск.) [Reinhart 1992; 2003; Villanueva Svensson 2011].

и новая основы настоящего времени сосуществовали, и лишь в середине XVIII в. новая форма вытеснила старую.

Во-вторых, в древнерусском языке имелись отличия в значении глагола *слыть* по сравнению с его современной семантикой. Для древнерусского периода характерно употребление глагола *слыть* в трех основных значениях: 1. ‘называться’ (*И отъ тѣхъ Варягъ находницъ прозвашиа Русь, и оттолѣ словеть Руская земля.* Псков. I л. 6370 г.), 2. ‘считаться’ (*Ни бо мощно, въ добродѣ(те)ли живоуще, ѿ встѣхъ слоути доброу* (ἀκούειν κολῶς). Никон. Панд. сл. 3), 3. ‘славиться’ (*Иже храборствомъ прослушиа въ странахъ многахъ и поминають нынѣ и словуть.* Илар. Зак. Благ. (Сбор. 1414 г. л. 64) [Срезневский, 3: 433–434]).

В значении ‘славиться’ (‘пользоваться славой, широкой известностью в каком-либо отношении’ [БАС, 13: 1127]) глагол *слути/слыть* чаще всего сочетался с существительным в Тв. п., например: *...иже въ своа лѣта владычествующе мужьствомъ же и храбрѣствомъ прослушиа въ странахъ многахъ и побѣдами и крѣпостию поминають нынѣ и словуть* (Сл. Илар., 92. XV в. ~ XI в.) [СлРЯ XI–XVII, 25: 138]. Тв. п. в этом случае имел не предикативное, а каузативное или каузативно-лимитативное значение (благодаря чему? в каком отношении?). Аналогичным образом в современном русском языке употребляется глагол *славиться*, ср.: *Нет, я моряков не виню — английский флот славится своими моряками* (Ю. Герман. Дорогой мой человек (1961) [НКРЯ]); *Ялта ведь вообще славится своей галькой* (Ю. Коваль. Красная сосна (1980–1993) [НКРЯ]).

Старая форма основы настоящего времени (*слов-*) связывала глагол *слыть* с такими однокоренными словами, как *слава*, *славьныи*, *славитися*, *слово*. Изменение звуковой формы глагола привело к ослаблению словообразовательных связей с этими словами, а затем и к их разрыву. Следствием этого и стало, по-видимому, угасание значения ‘славиться’ в глаголе *слути/слыти*. Примечательно, что в словенском языке, где общеславянский глагол **sluti* сохранил исходную форму инфинитива и основы настоящего времени, сохранилось и исходное значение глагола: *sluti/slovéti* — ‘славиться, слыть, быть славным (= известным)’ [Котник 1967: 534], ср.: *slovi kot pesnik* — ‘он слывет поэтом’ (*kot* — ‘как, чем; в качестве чего’ [Там же: 151]).

1.1. Референтная структура глагола «слути/слыти»

Судя по материалам исторических словарей [Старослав. сл.: 614; Срезневский, 3: 433–434; СлРЯ XI–XVII, 25: 137–138, 146], в древнерусском языке для глагола была характерна спецификация значений: в текстах церковно-книжного содержания использовались все три значения (с доминированием более абстрактных второго и третьего значений, семантически связанных с публичной славой, авторитетом, репутацией), в текстах летописного, народно-бытового и делового содержания чаще встречалось первое значение (‘быть поименованным’, ‘иметь прозвище, имя, название’). П. Я. Черных дает удачную дефиницию этого глагола, в которой отражен

изначальный синкретизм *слути/слыть* в древнерусском языке: ‘быть известным, таким, о котором слышат, знают в качестве кого-чего-л.’ [Черных, 2: 177]. Эта синкретичная базовая сема в глаголе в одном случае служила для функции именованя, называния самого объекта (значение номинации), в другом — для характеристики объекта по его качеству, признаку (модус кажимости). В первом случае нужно говорить о включении значения в семантическую категорию знания о референте, во втором — мнения о нем⁷.

Способность глагола *слути/слыть* выражать перцептивный модус — основа его употребления в качестве предиката именованя. Здесь важно проследить логику трансформации эпистемического значения ‘называться’ в модусное значение ‘считаться’. Глаголы наименования типа *называться, зваться, именоваться* представляют собственно возвратные формы, указывающие на то, что номинация является результатом или присвоения субъектом нареченного ему имени, или самоименования (*называться < называть себя*). Глагол *слути/слыть* указывает не на субъекта номинирующей деятельности, а на отношение субъекта к референту, основанное на некоторой (усвоенной, переданной от других) его оценке, которое может смыкаться и с определенным знанием о нем. Этот референт может быть реальным (предмет) или вымышленным, приписываемым (признак) и занимать позицию грамматического субъекта предложения под тем или иным именем, прозванием.

На перцептивной основе, в результате метонимического сдвига, глагол *слути/слыть* приобретает способность к употреблению в качестве эпистемического предиката (‘считаться’): переключение модуса знания о референте в модус характеризующей оценки проявляется на лексико-синтаксическом уровне.

1.2. Синтактика

Значения ‘называться’ и ‘считаться’ глагола *слути/слыть* реализовывались в рамках составного именного сказуемого. Глагол *слыть* сочетался с присвязочной частью, выраженной главным образом существительным или полным прилагательным в Им. п. Например: *Да в Асторохани есть пошлаина взимок, караснап словоет, праотцу нашему Нурадын мирзе пожаловал Темир Кутлуев царев сын, в жалованье даывал* [Посол. кн. с Ног. Ордой (1560): 328]; *Про то чернец инок словоет, един ко единому бу днь и ночь внимает си* (Корм. Балаш., 355. XVI в.) [СлРЯ XI–XVII, 25: 137].

При употреблении связочного глагола *слыть* в форме инфинитива имя существительное в составе присвязочной части использовалось в Им. п.: *Но злымь обычаем нашимь прегордымь от родства своего одержими есмы*

⁷ «...Главное различие между знанием и мнением определяется их отношением к истинности пропозиции, в которой сообщается содержание данного знания или мнения» [Апресян 2009: 65].

и не хотѣхом до смерти нашае смиритися с тобою, и не повинутися тебѣ, и *слыти* неволнии твои *раби* [Каз. ист. (1564–1565): 468]. С XVI в. в этой грамматической конструкции отмечаются существительные в Тв. п.: *Но и того бы ми лучше было, гдѣ царствовах с мужемъ моим, ту и заточение нужное прияти и горкою смертию умрети, неже к Москвѣ быти ведены в поругание и во встѣх наших срацынских ордах, от царей и князей владомых, и ото встѣх людей горкою пленницею слыти* [Там же: 368].

Особенностью связочного употребления глагола *слыть* стало появление в текстах XVII в. в ближайшем контексте лексических показателей, указывавших на мотивировку, обоснование употребления того или иного имени (*про то; а потому... что; для того, что* и др.). *Да и церковь постави... на Пустой улицы... А потому та улица **пустая слыла**, что меж огородов, а дворов на неи не было* (Псков. лет. II, 258. XVII в.); *А **Бѣлыя воды слывут** для того, что протока течетъ из Иртыша быстрая, а вода в ней бѣлая* (Спафарий. Сибирь, 43. 1675 г.) (примеры из [СлРЯ XI–XVII, 25: 146]). *Кузнецы же **словутъ**, потому что ясачные люди государскіе тамо живутъ по берегу Томи рѣки и иныхъ тамошнихъ рѣкъ, трехъ терсей каменіи берутъ и жгутъ, и плаваютъ желѣзо и куютъ вмѣсто наковалнь на камени жѣ...* [Оп. Сиб. ц. (посл. треть XVII в.): 79].

Приведенные примеры показывают стилистическую нейтральность глагола *слыть* в языке той эпохи.

2. Специфика употребления глагола *слути/слыти*

2.1. Унификация парадигмы «словет/слывет»

В течение первой половины XVIII в. происходит окончательное вытеснение основы настоящего времени *слов-*; реликты употребления видны в высоком стиле: *По имени православнии **словуце**, пребудем в непокаянии, в суетвѣрии, в лихоимствѣ... в безумной гордости, и проч.* (Прокопович. О мире. 12; 1722 [СлРЯ XVIII, 14: 266]). В деловой письменности в 1740-х гг. фиксируются последние случаи, например: *...жительство я имею в приходе цркви Живоначалныя троицы что **словетъ** в Троицко [так!] своимъ дворомъ...* [Сказ. Тихонова (авг. 1744): 114–115]; *Имею а квартиру в Москвѣ в домѣ канцеляріи советника Василья Михайлова сна Бакунина за Пречестенскими вороты в Земляном городе на Остроженной Болшой улицѣ в приходе цркви что **словетъ** Старое Воскресенье...* [Яв. челоб. Радилова (30.04.1747), 187].

Окончательный уход старой формы настоящего времени хронологически совпал с уходом из употребления глагола *слыть* в значении ‘называться’; в 1750-е гг. отмечаются последние случаи такого употребления: *...роксолане речение, сложенное от места их обитания, которое не без основания производят от реки Раа, как у древних писателей **слывет** Волга* [Лом., Др. рос. ист. (1754–1758): 209]; *Иные славяне сели около озера Ильменя и*

прослыли своим тем же именем; иные поселились по Десне, Семи и Суле и назывались северяне [Там же: 190]; *Курской залив слыл в старину Русна...* [Там же: 208]. В современном русском языке *слыть* в значении 'называться, иметь название' отмечается в некоторых говорах, например: *Ранний северового слывет Егорьевский*. Верховаж. Волог. *Это слывет поперечный пояс*. Арх. [СРНГ, 38: 323].

Двуязычная лексикография дает некоторые дополнительные факты, не отраженные в корпусах. Так, словарь Гейма, ориентированный на латинскую и греческую лексикографическую традицию и поместивший в качестве начальной (исходной словарной) базы слова глагол в форме 1 л. ед. ч., дает как варианты формы: *слыву́, слову́, -вѣшь, слыть* [Гейм 1826, 4: 156]. На словарь Гейма опирался вышедший в Лейпциге в 1844 г. двуязычный немецко-русский словарь, давший при русском инфинитиве *слыть* аналогичную словоизменительную парадигму: *слыву́, слову́, -вѣшь* [Schmidt 1844: 419].

Итак, именно деловая письменность с ее установкой на традиционность и формульность или специализированные тексты еще какое-то время сохраняли старую основу настоящего времени *слов-*, ушедшую из живой речи. Доминирующей в русском языке начиная с XVIII в. становится основа *слыв-*.

2.2. Синтаксические и семантические инновации

Преобразование семантики глагола *слыть*, перераспределение синонимических отношений внутри группы глаголов со значением именования сопровождалось появлением окказиональных образований. В русском языке XVIII в. фиксируются неожиданные индивидуально-авторские модификации с глаголом *слыть*. Так, в сочинении А. И. Богданова «Описание Санктпетербурга» (1751) неоднократно встречается контаминированная конструкция «прослыть зваться/называться»: *Оное место, где ныне Церковь стоит, был Двор купца Трунилова, и когда ту Церковь просто в хоромах освятили, тогда оным именем как Церковь, так и место прослыло зватися Трунилово* [Богд., Опис. СПб (1751): 224]; *Прослыло же место сие зватися Канцы потому, что тут стояла шведская Крепость, называемая Шанцы, которой и поныне еще вид ея имеется* [Там же: 225]; *...к которому Образу ходят множество молящихся, и более от того прослыла зватися Церковь Казанской Богородицы, нежели Рожества* [Там же: 300–301]; *И так вышепомянутое место на Ея Императорскаго Величества Дворец прослыли называются и поныне Смолной Двор* [Там же: 225] и др.

Это странное сочетание не укладывается в рамки русской грамматической системы (связка *слыть* не может сочетаться с глаголами), однако для объяснения данных языковых фактов их следует рассмотреть на фоне аналогичных конструкций, встречающихся в этом (и другом) тексте. Богданов использует немецкую модель с глаголами получения, приобретения, переименования; ср. следующие примеры из данного произведения: *Сей остров*

почему имя свое **восприял зватися** Крестовой, того не известно [там же, 115]; *Остров сей звание восприял именоватися* Васильевским, о том получено от старожитных людей следующее известие [там же, 116]. Глагол *воспрять* в XVIII в. калькировал некоторые значения (как конкретные, так и абстрактные, в первую очередь относившихся к сфере политики, дипломатии, науки, культуры) немецких глаголов-прототипов *annehmen, empfangen, entgegennehmen, in Empfang nehmen, (etw.) in sich aufnehmen*. Семантическая структура глагола *воспрять* в [СлРЯ XVIII, 4: 90-91], его грамматическая валентность и контексты свидетельствуют о расширении лексико-синтаксических возможностей лексемы. Аномальность этой грамматической модели у Богданова заключается в конструировании составного глагольного сказуемого из двух полнозначных глаголов. Ср. также некорректное синтаксическое построение фразы у Богданова, напр.: **Называется** Фонтанка потому, что чрез ея зделаны трубы, проведенныя из Басейна в Сад Ея Императорскаго Величества для фонтанов... И для сих имеющихся при Доме Ея Императорскаго Величества фонтанов *прозвана* и речка оная [восприяла? прослыла? зовется? – А.З., Д.Р.] **звается** Фонтанка [Богд., *Опис.* СПб (1751), 111]. Введение Богдановым глагола *прослыть* в круг конструкций с глаголом *воспрять/восприимать/воспринять* свидетельствует, во-первых, о процессе псевдосинонимизации (семантической нейтрализации) данных глаголов в общей семе 'перенимать, заимствовать, усваивать', во-вторых, об изменении старой семантики глагола (*про*)слыти (элиминация семы названия, именованья и развитие семы передачи знания, общего мнения), в-третьих, об обусловленной этим семантическим механизмом синтаксической эллиптизации валентных связей глагола: *восприял* [звание, имя] + *именоватися, зватися* > *прослыл звался* (где *прослыть* 'перенять общепринятое именование'). Ср. также пример из другого источника: [Стефан] *распростеръ свое государство даже до Нѣгронпта* [Черное море. — А. З., Д. Р.], *собѣрая прѣчетъ церковныи и все шляхетство своего государства. Ихъ же соізволеніемъ восприялъ себѣ тѣтуль именоватіся Царемъ, творя чѣны обычаинны двора Царского, которыя подаваль достойнымъ служітелемъ* [Орб., *Кн. историограф.* (1722): 230].

Трансформацию семантики глагола (*про*)слыть в языковом сознании носителей языка в первой половине XVIII в. можно наблюдать и в тонких семантических взаимоотношениях между данным глаголом и глаголом *называться* даже в пределах одного предложения: *На Адмиралтейской Стороне первая и главная Улица, позади Миліонной Линіи, которая прежде называлась Греческая, потом Немецкая называлась, а ныне более слывет Миліонная Улица* [Богд., *Опис.* СПб (1751): 216]. С одной стороны, в этом случае можно видеть синонимизацию полнозначных глаголов, с другой — попытку семантического расподобления, диссимилиации. Семантическим объяснением может служить референтная мотивировка глаголов; и тот и другой отсылают к реальному референту, но с разным актуализированным временным и ментально-назывным параметром: *называться* от-

сылает к смыслу ‘иметь общепринятое именование’ (безотносительно к шкале времени), а *слыть* — к смыслу ‘иметь актуальную номинацию в живом языковом хождении’ (в привязке к определенной временной точке). Такое референтное сопоставление глаголов *называться* и *слыть* отмечается в единичных случаях даже в языке XIX в.: *Он назвался Флейшер де Буше, а потом слыл просто monsieur Boucher* (Греч. Записки о моей жизни (1849–1856) [НКРЯ]); *Недаром наш дядин домик ниверситетом слывет, мазовой академией⁸ называется* (Крестовский. Петербургские трущобы (1864) [НКРЯ]); *А вам разве не все равно, чем вы слывете и как называетесь?* (Лесков. На ножах (1870) [НКРЯ]).

Во многих текстах первой половины XVIII в. значение глагола *слыть* оказывается еще диффузным и может быть определено и как ‘называться’, и как ‘считаться’; ср.: *...ибо в коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатым* [Пос., Кн. о скуд. и богат. (1724): 77]; *И как жить, так надлежит и слыть: аще воин, то воин и да будет, и аще иного звания человек, то всяк свое звание и да хранит цело* [Там же: 114]. Во второй половине XVIII в. значение ‘считаться’ глагола *слыть* становится основным. В «Словаре Академии Российской» отмечены произошедшие изменения в семантике глагола *слыть*: на первом месте стоит значение ‘считаться (почитаться)’, вслед за ним — ‘называться (прозваться)’ и не выделено значение ‘славиться’; ср.: «Прослываю, ёшь, прослыл, прослыу, вать. гл. ср. Почитаюся каковым, прозываюся. Как поживешь, так и прослывешь. Прослыть скупым, злым» [САР, 5: 545]. Очевидно, в структуре значений глагола *слыть* сема ‘называться’ во второй половине XVIII в. составителями САР уже не осознавалась как центральная, произошло смещение внутри семантической структуры глагола от номинативной семы к модальной: основным, узуальным значением в литературном языке становится авторизирующая семантика и семантика вероятной достоверности.

3. Модализация связки *слыть*

3.1. Модализация: между ‘называться’ и ‘считаться’

Утрата глаголом *слыть* значения ‘называться’ вела к изменениям в сочетаемости этого глагола: с 1750-х гг. из присвязочной части исчезают имена собственные и распространяются имена нарицательные и полные прилагательные.

Между значениями ‘называться’ и ‘считаться’ существует генетическая связь: второе из этих значений производно от первого. Хотя в обоих значениях глагол *слыть* используется в качестве связки составного именного сказуемого, между их функционированием есть существенное различие.

⁸ Мазовая академия — тюрьма [Смирнов 1899: 1074].

Значение ‘называться’ обслуживает предложения номинации, в которых соединяются «объект и его имя, т. е. элемент предметного мира и элемент языкового кода»; значение ‘считаться’ используется в предложениях характеристики, в которых соединяется объект и его признак [Арутюнова 1976: 19].

И те и другие предложения, в которых используется квалифицирующий связочный глагол *слыть*, формально-структурно неразличимы. Однако в предложениях номинации присвязочную позицию занимают слова, способные выполнять идентифицирующую функцию, т. е. прежде всего имена собственные и отчасти имена нарицательные. В предложениях характеристики присвязочную позицию занимают полные прилагательные, имена нарицательные, а также именные группы: ...у таких народов те только **учеными и премудрыми слынут**, которые довольно время на свете пожили и у которых трясущаяся зима на бороде казалась [Десн., Сл. о юриспр. (1768): 226]; ...а говорящие им истину и показывающие их слабости всегда бывают ненавидимы и обыкновенно **слынут невежами, грубиянами и злонравными людьми** [Нов., Трут. (1769): 7]; Я, мой батюшка, той веры, что лучше моему сыну, Христос с ним, умереть, нежели **слыть шалуном или тунядцем**, или, чего боже избави, **трусом** [Фонв., Пов. мн. глух. и нем. (1783): 18]; ...старайся сыскать такие приказные места, которые **слынут нажиточными**, и в них ищи судей, которые бы были бедны и имели бы богатых челобитчиков: это первый знак, что судья некорыстолюбив [Кр., Почт. Дух. (1789): 33–34].

В роли медиатора между двумя значениями глагола *слыть* — значениями ‘называться’ и ‘считаться’ — выступают имена нарицательные, которые способны употребляться как для идентификации объекта, так и для его характеристики. Это связано с тем, что имя нарицательное, в отличие от имени собственного, называет предмет через его отнесение к классу однородных объектов, т. е. через указание на сумму общих признаков, характерных для этого класса [Арутюнова 1976: 326–329].

На проходивший во второй половине XVIII в. процесс модализации глагола *слыть*, способствовавший его сближению с модальными связками (*казаться, показаться, считаться, почитаться* и др.), указывает увеличение числа контекстов такого рода: **Не слыть у людей, но быть благовестником с Богом и у Бога — сие есть делно, как написано: «Бе Бог с ним»** [Сков., Разг. назыв. Алф. (1760–1775): 450].

3.2. Два типа «мнения»:

вербально-трансмиссивное и интеллектуально-дедуктивное

Остановимся на референциальных различиях в значениях ‘называться’ и ‘считаться’, за которыми стоят два типа мнения. Отличия заключаются в том, что глагол *слыть* в значении ‘называться’ мотивирован необходимостью словесной, вербальной передачи информации; тем самым он сохраняет в своем семантическом ядре отсылку к этимону «слух, слово». В зна-

чении же ‘считаться’ *слыть* имеет дело с референтом, о котором группа, социум выносят дедуктивное умозаключение. В значении ‘считаться’ вербальный элемент полученной/переданной информации, участвующий в построении смысла, выступает только как фоновый, неакцентированный компонент.

Первый тип мнения глагола *слыть* ‘называться’ мы обозначим вербально-трансмиссионным (обязательна его передача, трансмиссия словесным путем), второе значение глагола ‘считаться’ — интеллектуально-дедуктивным, выведенным главным образом логически, дедуктивно (способ передачи мнения в этом случае для говорящих неважен, элиминирован). Это объясняет, по нашему мнению, тот языковой факт, что связочный глагол *считаться* может сочетаться в русском языке со словами *негласно*, *по умолчанию*: *Она [режиссерская драматургия] негласно считается какой-то «недолитературой», с которой серьезным людям стыдно иметь дело* (Литературная газета, 1980, № 45); *Неуказанные дуги по умолчанию считаются фиктивными, что позволяет еще на предварительном этапе удалить из модели большую часть излишних фиктивных дуг и, возможно, лишних вершин-событий* [Гимади. О нек. мат. модел. (1988): 104].

Для глагола *слыть* употребление в подобных контекстах ощущается как периферийный, неузуальный грамматический факт; ср.: *Оно [народное искусство] почти не привлекает внимания искусствоведов, так как негласно слывет малодобротным и даже далеким от подлинной художественности* [Ильин, Иссл. и очер. (1976), 90], свидетельством чего служит редкость такого словоупотребления в современном русском узусе⁹.

Референциальные различия значений ‘называться’ и ‘считаться’ проявляются на синтаксическом уровне и иным образом. Выше уже отмечалось, что в ближайшем окружении связки *слыть* могут появляться лексические показатели, указывающие на мотивировку употребления того или иного имени (п. 1.2). Эта особенность, отмечаемая с XVII в., сохраняется и в более позднее время; например: *Николай Артемьевич порядочно говорил по-французски и слыл философом, потому что не кутил* (Тургенев. Накануне (1859) [НКРЯ]); *Серезжа учился более нежели плохо и слыл между товарищами глупеньким...* (Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886–1887) [НКРЯ]) и т. д. Подобное употребление характерно для связки *слыть* и в современных текстах: *Но недаром наш начальник слыл талантливым администратором: он им находил работу* (Гладилин, Прогноз на завтра (1972) [НКРЯ]); *На столе — хрустальный графин, благодаря которому Роман слывет эстетом, в нем мило звенят камешки, когда разливают водку* (В. Некрасов. Маленькая печальная повесть (1986) [НКРЯ]).

Вербально-трансмиссионный тип мнения (значение ‘называться’) предполагает указание на причину появления у объекта оценки того или иного

⁹ База данных Integrum дает только 20 цитат (из центральной и региональной прессы) с данным комплексом [<http://www.integrumworld.com/>].

имени. Имя объекта дается социумом на основании оценки каких-то действий объекта, его поведения (если речь идет об одушевленном объекте) или отличительных признаков (для неодушевленных предметов). Для значения ‘считаться’ (интеллектуально-дедуктивный тип мнения) указание на причину формирования того или иного мнения обычно отсутствует: введение обоснования мнения происходит в связи с необходимостью оценить мнение как достоверное или недостоверное. Наблюдение за связкой *считаться* показало большую редкость таких случаев, например: *Он уже учится в приготовительном классе, а потому **считается** большим и самым умным* (Чехов. Детвора (1885–1886) [НКРЯ]); *Надо заметить, что Ярмола **считается** самым бедным и самым ленивым мужиком во всем Переброе; жалованье и свой крестьянский заработок он пропивает; таких плохих волов, как у него, нет нигде в окрестности* (Куприн. Олеся (1896) [НКРЯ]).

Другое различие связано с указанием на источник мнения: вербально-трансмиссионное мнение локализовано — географически и/или социально, вследствие чего в предложениях с глаголом *слыть* регулярно встречаются слова, указывающие на субъекта высказываемой оценки. Например: *Среди нас они **слыли** аристократами* (Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977) [НКРЯ]); *И знаете, у соседней **слыву** бездельником, потому, что в воскресенье бросаю все к чертовой матери и еду на озеро с удочкой* (Песков, Стрельников. Земля за океаном (1977) [НКРЯ]); *В дачном поселке, где я живу, меня называют ветрогоном и флюгером, но скажите, разве так уж плохо **слыть ветрогоном**, особенно если ты — географ* (Соколов. Школа для дураков (1976) [НКРЯ]). Интеллектуально-дедуктивное мнение не требует указания субъекта оценки; более того, универсальный характер дедуктивных операций делает указание субъекта мнения ненужным, а высказываемое мнение как бы приписывается всем. При употреблении глагола *считаться* указание на локализацию мнения является очень редким, например: *...растение это **считается** жителями берегов Аму-Дарьи весьма **вредным**, особенно для верблюдов* (Бутлеров. Теоретические и экспериментальные работы по химии (1851–1886) [НКРЯ]); *...большое число уголовных преступлений совсем не регистрируется, так как они **считаются** в тюремной сфере **явлениями обычными**, почти необходимыми* (Чехов. Остров Сахалин (1893–1895) [НКРЯ]).

По-видимому, следствием противопоставления вербально-трансмиссионного и интеллектуально-дедуктивного мнения в аспекте его локализации является то, что они отличаются с точки зрения соответствия выражаемого мнения действительности. Если сравнить употребление связок *слыть* и *считаться*, то можно сделать вывод о том, что мнение, оформленное при помощи связки *слыть*, чаще подвергается сомнению и оценивается как недостоверное: *Дедушка, например, **слыл** одним из лучших хозяев в губернии, а между тем я положительно знаю, что он ни бельмеса не смыслил в хозяйстве...* (Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Пе-

тербурге (1872) [НКРЯ]); *Сергей Иванович Перевезенцев. Великий труженик — стучит ключом день и ночь. Единственный в поселке, у которого хватило духу не забросить в угол самоучитель английского языка. Теперь слывет лихим переводчиком* (Песков. Белые сны (1964) [НКРЯ]). Тем не менее такое употребление возможно и при оформлении мнения связкой *считаться*: *Хозяином считается, как и тогда, старик Григорий Петрович, на самом же деле всё перешло в руки Аксиньи; она и продает, и покупает, и без ее согласия ничего нельзя сделать* (Чехов. В овраге (1900) [НКРЯ]).

4. Модализация и изменение сочетаемости глагола *слыть*

Сочетаемость глагола *слыть* в отношении присвязочной части претерпела ряд существенных изменений, обусловленных двумя основными факторами: во-первых, процессами унификации синтагматических свойств глагольных связок и, во-вторых, изменением семантики *слыть* в результате его модализации.

Результатом первого процесса стало закрепление в конструкциях с глаголом *слыть* Тв. предикативного в качестве основной предикативной формы. Развитие модальной семантики глагола *слыть* сопровождалось расширением сочетаемостных возможностей глагола: присвязочная часть пополнилась группами *за* (+ Вин. п.), *под именем* (+ Род. п.), *как* (+ Им. п.), *в качестве* (+ Род. п.). В современном русском языке использование Тв. предикативного является нейтральным способом маркирования присвязочного имени в конструкциях со связками *слыть* и *прослыть* — остальные формы привносят в предикативную конструкцию дополнительные смысловые акценты.

4.1. Особенности соотношения Им. и Тв. падежей в присвязочной части в языке XVIII—XIX вв.

История взаимоотношений Им. и Тв. п. в присвязочной части — тема в славистике и русистике давнишняя и тем не менее остающаяся по-прежнему актуальной¹⁰. До середины XVIII в. основным способом выражения присвязочной части глагола *слыть* было имя существительное в Им. п.; с XVII в. изредка — при употреблении связки в форме инфинитива — имя существительное встречается в форме Тв. п. Во второй половине XVIII в. происходит существенное преобразование сочетаемости связки *слыть*: основной формой присвязочной части становится Тв. предикативный.

Н. Михайлов, исследуя функционирование Тв. п. в языке XVIII в. на значительном цитатном материале (около 13 000 примеров) [Михайлов

¹⁰ Упомянем несколько работ, суммирующих результаты прежних исследований и намечающих перспективы дальнейших изысканий: [Мразек 1964; Никольс 1985; Никунласси 1993; Hentschel 1994; Зельдович 2005; Гиро-Вебер 2007; Никитина 2011].

2012: 15], упоминает всего 9 зафиксированных им случаев использования форм Им. п. в присвяточной части, из них 4 (причем исключительно в стихотворных текстах) — со связкой *слыть*. Напротив, Тв. п., согласно корпусу примеров Н. Михайлова, используется в 127 цитатах (52 — поэтические тексты, остальные — проза) [Там же: 62, 63, 67]. Хотя к данным Н. Михайлова можно добавить еще по крайней мере 6 цитат из НКРЯ¹¹, Им. п. в присвяточной части в языке XVIII в. явно не частотен. В последней трети XVIII в. существительное и полное прилагательное в Тв. п. являются единственными формами присвяточного имени (63,5 и 36,5 % соответственно). Например: *...ибо слыл Усерд на войне храбрым и искусным полководцем* [Нов., Посл. рос. (1782): 241]; *...ныне молодой человек, желающий слыть ученым, не имеет большой нужды в грамоте...* [Кр., Речь (1792): 318].

Для первой половины XIX в. НКРЯ дает только 2 цитаты по модели *слыть* + Им. п.: *...я все слыл просто Никандр* (Нарежный. Российский Жилблз (1814) [НКРЯ]); вторая половина XIX в. также дает несколько употреблений — в сочинениях историка С. М. Соловьева в качестве стилизации языка минувших времен: *...нашли английские люди новую землю, слывет Гирлянь; князь у них свой, слывет Усминский* (Соловьев. История России с древнейших времен (1859) [НКРЯ]); в работах Ф. И. Буслаева как отражение фольклорно-поэтической или летописной традиции: *...есть травица высока, а набело походит, маточник словет* (Буслаев. О народной поэзии в древнерусской литературе (1859) [НКРЯ])¹².

Распространение в составе присвяточной части существительного и полного прилагательного в форме Тв. п. охватило всю систему полузнаменательных глаголов во второй половине XVIII в., особенно быстрое вхождение новых предикативных форм происходило в сочетании с глагольными связками со значением проблематической модальности (*казаться—показаться, представляться—представиться*), к числу которых примыкали авторизирующие связки *почитаться* и *считаться*.

4.2. Динамика развития грамматической конструкции *слыть* + *за*

На рубеже XVIII и XIX в. наряду с Тв. предикативным в конструкциях с глаголом *слыть* начинается употребление формы «за + В. п.», например: — *«Правда твоя, Лев Александрита, — вздохнув, сказала императрица, — только и то правда, что головы, слывущие за глубокомысленных, часто бывают пустые головы»* (Жихарев. Записки современника (1806–1809) [НКРЯ]). Широкое распространение этой формы происходит с 1830-х гг.:

¹¹ Правда, 3 из них встречаются в сочинениях Татищева и отсылают к Софийской I летописи, Повести временных лет, Новгородской I летописи: *сие море словет Руское; до сего дни словет могила Ольгова, место доднесь словет Перуняна рень.*

¹² И. Николич в своем пособии для учащихся гимназий дает нормативное правило использования после глагола *слыть* имен существительных и прилагательных только в Тв. п.: Им. п. в качестве стилистической альтернативы даже не упоминается [Николич 1847: 7].

Они называются разбитными малыми, *слывут* еще в детстве и в школе *за хороших товарищей* и при всем том бывают весьма больно поколачиваемы (Гоголь. Мертвые души (1842) [НКРЯ]); Во всем околотке *слыву я за примерную супругу...* да что мне в том? (Тургенев. Неосторожность (1843) [НКРЯ]).

Причин распространения этой модели в русском языке могут быть две. Первая — распространение формы «за + В. п.» было вызвано, по-видимому, аналогическим влиянием со стороны связок *почитаться* и *считаться*, в присвязочной части которых существительное и полное прилагательное с этим предлогом отмечается с XVIII в. Вторая — позднее возникновение в русском языке таких конструкций и употребление их в специальной литературе (военное дело, политика, философия, дневники, частная переписка) может быть свидетельством калькирования модели либо с нем. *gelten für*, либо с франц. *passer pour*. По крайней мере, составители переводных словарей ясно видят соотнесенность русского *слыть за* с немецким или французским прототипом; так, в трехязычном русско-французско-немецком словаре составитель дает русскому *слыть* французский эквивалент *passer pour* и немецкий *gelten für* [Гейм 1826, 4: 156]; в «Полном немецко-русском словаре» русскому глаголу *слыть* (чем?) соответствует немецкое *gelten für* [Павловский 1859: 311].

Предикативное употребление существительного и полного прилагательного в конструкции с «за + В. п.» в сочетании с полузнаменательными глаголами распространилось в русском языке в XVIII в. Среди связочных глаголов с таким же управлением встретились: *видеться*, *казаться*—*показаться*, *почитаться*—*почесться*, *вменяться*—*вмениться*, *полагаться*, *признаваться*, *слыть*—*прослыть*, *служить*—*послужить*. С большинством из них форма «за + В. п.» перестает употребляться еще в XVIII в., ее заменил Тв. предикативный. В XIX в. употребление формы «за + В. п.» в конструкциях с полузнаменательными связками становится очень ограниченным. Полные прилагательные в этой форме совершенно выходят из употребления, а существительные в форме «за + В. п.» во второй половине XIX в. отмечаются лишь в сочетании со связками *показаться*, *считаться*, *почитаться*, *слыть* и *прослыть* [Руднев 2014; 2015]¹³.

Отличительной чертой связок *слыть* и *прослыть* от других связок, способных сочетаться с предлогом «за + В. п.», является динамика употребления этой конструкции (см. таблицу ниже).

В течение XIX в. полузнаменательные глагольные связки теряли способность к распространению именами в конструкции с «за + В. п.», тогда

¹³ В этих моделях можно было бы усматривать и калькирование подобных польских конструкций *czytać się za* (считаться за), *поччитать się za* (почитаться за), *pokazać się za* (показаться за), *przyznawać się za* (признаваться за), *śluchać za* (слыть за), если бы не поздний характер их фиксации в русском языке. Более вероятным является предположение об общем для русского и польского языков источнике — общеславянском или западноевропейском.

**Сочетаемость связок слыть и прослыть в русском языке XVIII–XIX вв.
(по данным НКРЯ)**

<i>Слыть</i>			
	XVIII в.	Пер. пол. XIX в.	Втор. пол. XIX в.
существительное			
Тв. п.	50 %	63,5 %	44%
«за + В. п.»	нет	11,5 %	30,5%
прилагательное			
Тв. п.	28,5 %	19,5 %	10 %
«за + В. п.»	нет	2 %	5,5 %
прочее	21,5 %	3,5 %	10 %

<i>Прослыть</i>			
	XVIII в.	Пер. пол. XIX в.	Втор. пол. XIX в.
существительное			
Тв. п.	61 %	85 %	67 %
«за + В. п.»	нет	2 %	22 %
прилагательное			
Тв. п.	25 %	13 %	9 %
«за + В. п.»	нет	нет	0,5 %
прочее	14 %	нет	1,5 %

как в сочетании со связками *слыть* и *прослыть* эта форма, наоборот, распространяется.

По мнению Г.А. Золотовой, модель «за + В. п.» в конструкциях с авторизующими глаголами *принять*, *считать* обозначает предикативный признак с оттенком ошибочной идентификации [Золотова 1988: 186]; аналогичный оттенок эта форма имеет в сочетании со связками *слыть* и *прослыть*. Устойчивость коллективного мнения формируется на присущем конструкции с «за + В. п.» значению «замещенного предмета (лица) или понятия» [Там же: 185]: *У некоторых дам он слыл за очень умного человека и перед ними обыкновенно печоринствовал* (Лесков. Некуда (1864) [НКРЯ]); *Подлиповцев не любят жители других деревень еще и за то, что подлиповцы своей пермякской веры держатся, слыут за ленивых, самых бедных, и их называют колдунами...* (Решетников. Подлиповцы (1864) [НКРЯ]).

Несмотря на то, что сочетания связок *слыть* и *прослыть* с «за + В. п.» были широко распространены, в XX в. их предикативное употребление сокращается. Возможно, они осознаются как стилистически маркированные, связанные с разговорно-просторечной стихией или книжно-литературным стилем. Предикативное употребление конструкции с «за + В. п.» гораздо шире представлено в современном украинском [Мразек 1990: 73] и белорусском языках, особенно в контактирующем с польским языком западно-

полесском диалекте [Блинова 2016: 117]. Тем не менее сочетания связок *слыть* и *прослыть* с предлогом «за + В. п.» встречаются ограниченно и в современном русском языке: ...*Дэлихъяр слыл за отличного спортсмена* (Кассиль. Будьте готовы, Ваше высочество! (1964) [НКРЯ]); *Яков Муренский слыл в городе за расчетливого, трезвого дельца* (Бадигин. Секрет государственной важности (1974) [НКРЯ]).

4.3. Динамика развития грамматической конструкции «слыть + как», «слыть + в качестве»

Архаизация и постепенный уход из употребления конструкций со связками *слыть* и *прослыть* + «за + В. п.», начавшиеся в конце XIX в., привели к распространению на их месте иных форм, выражавших схожее заместитель-дубитативное значение. С конца XIX в. в сочетании с этими связками отмечается использование оборота, вводимого союзом-частицей *как*: *Добившись воли, Морок превратился в кабацкого завсегдадая и слыл по заводу как единственный вор* (Мамин-Сибиряк. Три конца (1890) [НКРЯ]). Такое употребление широко представлено и в современном русском языке: *Как ни странно, лет сорок-пятьдесят назад этот суровый и пустынный уголок Туркмении прослыл как «золотое дно»* (Огонек, 09.05.1954); *В штате Небраска, слывуцем в Америке как «штат долгожителей», шутят: «У нас почти никто никогда не умирает»* (Песков, Стрельников. Земля за океаном (1977) [НКРЯ]); *Николай Борисович Земский ... в коллективе слыл как охальник и бузотер* (Орлов. Альтист Данилов (1980) [НКРЯ]).

В XX в. начинает употребляться конструкция, вводимая предложным сочетанием *в качестве*: *Одна, старая, Преображенская церковь слыла в качестве официального «государева богомолья», другая же, Покровская... сделалась центром, объединявшим местное красноярское население* [Окладн. и др., Др. Зашив. (1977): 40]; *При несомненной, рано обнаружившейся талантливости он [Тургенев] долго искал себя, сперва прослыл в качестве стихотворца, автора поэм «Параша», «Разговор», и потом как бы случайно набрел на темы и жанровые приемы «Записок охотника», упрочивших его положение* [Кулеш., Анненков—мемуарист (1983): 28]. Такие конструкции в каком-то смысле тавтологичны, поскольку глагольные связки *слыть* и *прослыть* включают в свою семантику указание на известность в том или ином качестве («быть известным в качестве кого-, чего-либо»). При сочетании с именными группами, вводимыми предложной конструкцией *в качестве*, происходит актуализация семы «быть известным, славиться» и ослабляется смысловой компонент «мнение»¹⁴.

¹⁴ Составной предлог *в качестве* — калька с франц. *en qualité de* [Черкасова 1967: 174—176], распространившийся в XVIII в. (см. [СлРЯ XVIII, 10: 18]). В русском языке шло расширение его употребления и сочетаемости (см. [Прияткина 1975]). Об отличии кальки *в качестве* от французского прототипа см. [Морева, Шереметьева 2015].

4.4. Динамика развития грамматической конструкции
«слыть + под именем / под названием»

Если говорить о тех особенностях сочетаемости, которые отличают *слыть* от *считаться*, то они касаются употребления в присвязочной части сочетаний *под именем*, *под названием*, *под прозвищем* и т. п. Этот лексикализованный комплекс является, скорее всего, лексико-синтаксической калькой с франц. *être connu(e) sous le nom*, нем. *gelten, bekannt sein unter dem Namen* ‘слыть под именем’ или с польск. *ślupać pod imieniem, pod nazwą* ‘слыть под именем, под названием’.

Версия о калькированном характере конструкции *слыть под именем* не снимает вопроса о том, почему эти конструкции фиксируются в русском языке не ранее последней трети XVIII в. Судя по корпусу примеров НКРЯ, о более или менее широком распространении конструкции *слыть + под именем / под названием* можно говорить лишь после 30-х гг. XIX в. Например: *...и донныне слывет под этим названием крайний проход по Скорняжному ряду от Ильинки на Никольскую, где ныне харчевни и лавки* (Лажечников. Последний Новик (1833) [НКРЯ]); *Эта могила слывет под мифическим именем Девичь-горы* (Буслаев. Русский народный эпос (1861) [НКРЯ]); *По сторонам тянется тот мелкий лесочек, состоящий из тонкоствольных, ободранных и оплешивевших елок, который в простонародье слывет под именем «паршивого»...* (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856–1857) [НКРЯ]).

Можно предположить, что распространение конструкции *под именем* в присвязочной части глагола *слыть* было обусловлено происходившим с середины XVIII в. угасанием в структуре значений этого глагола семы ‘называться’. Утрата семы ‘называться’ была растянута во времени: между первыми случаями употребления конструкции *под именем* и ее закреплением в присвязочной части глагола *слыть* прошло более полувека. Формы типа *под именем*, *под названием* стали акцентировать внимание на номинационном аспекте — под каким именем тот или иной предмет известен.

Расцвет употребления конструкции *слыть + под именем / под названием / под прозвищем* приходится на вторую половину XIX — первые десятилетия XX в. В современном русском языке эта конструкция встречается редко. Например: *Он [гриб-слизняк] будто источает слезы, за что и в науке слывет под названием мокруха* [Зуев, Дары рус. л. (1966): 100]; *Под его [Меланхатона] влиянием такие деятели школы, как Штурм, Неандер, Троцендорф, положили начало той разновидности в гуманистической педагогике, которая ныне слывет под именем классицизма...* [Манд., Совр. пед. псих. (2015): 8].

По-видимому, конструкция вытесняется конструкцией *быть известным под именем / под названием*, которая является другим способом калькирования конструкций *être connu(e) sous le nom* и *gelten, bekannt sein unter dem Namen* и встречается в русском языке с последней трети XVIII в. Например: *Он [Брюс] сочинил календарь, который и ныне известен под име-*

нем «Брюсова календаря» [Нов., Оп. ист. сл. (1772): 288]; *Сия книга известна под названием сочинений Ломоносовых, но я, избегая стыда, если бы в библиотеке моей русскую книгу увидели, приказал переплетчику заглавие ее поставить по-французски* [Нов., Кошел. (1774): 88] *Древнее положение известно под именем влияния физического (influxus physici)* [Брянц., Сл. о св. вещ. (1790): 371].

В отличие от конструкции с глаголом *слыть* эта модель сохраняет продуктивность в современном русском языке, ср.: *Эта гипотеза известна под названием «расщепленной морфологии» и связана прежде всего с именем С. Андерсона...* (Плунгян, Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (1999) [НКРЯ]).

Таким образом, значение ‘называться’ в глаголе *слыть*, включающее его в лексико-грамматическую группу глаголов именования, по сравнению с древнерусским периодом со второй половины XVIII в. стало выражаться более разнообразными морфолого-синтаксическими способами, сопровождаемая значительным расширением предложно-падежных моделей с фразеологизированным значением: *слыть + за, как, в качестве, под именем, под названием*. Это было обусловлено тем, что значение ‘называться’ было вытеснено на периферию семантической структуры *слыть* и для его реализации потребовались специальные лексические показатели, которые до середины XVIII в., т. е. до того момента, когда стало обнаруживаться ослабление номинативной семы, в сочетании с этим связочным глаголом не употреблялись.

Выводы

1. Развитие значения синкретичного глагола *слыть* в русском языке шло по пути сближения с глаголом ментальных операций *считаться*: в семантике глагола *слыть* с XVIII в. актуализировалась субституция семы слухового, речевого восприятия семой мнения. В русском литературном языке с XVIII в. основным становится значение ‘быть известным в качестве кого-, чего-либо’, ‘считаться кем-, чем-либо’, что вводит данный глагол в группу глагольных связок со значением кажимости.

2. В русском языке с XVIII в. востребованным оказалось значение общего мнения. По-видимому, это было обусловлено двумя причинами. С одной стороны, в русском языке существовало значительное число связочных глаголов со значением номинации (*называться, зваться, именоваться* и др.), где сема именования связана с материальным воплощением имени в звучащем слове. В глаголе *слыть* сема именования также позволяла ему выступать в качестве синонима связочных глаголов наименования.

3. С другой стороны, с XVIII в. возрастает потребность выражения отвлеченных значений в связи с расширением в социуме категорий ирреального мира (наука, искусство, философия, техника и др.), требующих своей

словесной экспликации. Между тем число связочных лексем со значением ‘общее мнение’ в составном именном сказуемом даже сейчас невелико и по сути ограничено связкой *считаться*, которая имеет отчетливый книжный оттенок и используется в научных и публицистических текстах. Модализация значения *слыть* и вызванные этим изменения в грамматической и семантической структуре глагольной связки обусловили ее вхождение в XVIII в. в круг связок со значением ‘общего мнения’.

4. В дальнейшем, по мере укрепления связки *считаться*, частотность связки *слыть* падает и происходит сужение стилистических сфер ее использования литературно-книжной (преимущественно повествовательным нарративом, связанным с устными источниками) или стилизованной речью.

5. Модализация связки *слыть* привела к существенной трансформации присвязочной части. Широко использовавшиеся в составе присвязочной части имена собственные со второй половины XVIII в. исчезают, и основным средством ее выражения становятся имена нарицательные, прилагательные и именные группы со значением характеристики.

6. Меняется и форма выражения присвязочной части: наряду с употреблением Тв. предикативного, который ближе к концу XVIII в. становится основной формой предикативного имени в сочетании с ползунаменательными связками, получают распространение такие конструкции, как *за* + Вин. п., *под именем* + Род. п., *как* + Им. п., *в качестве* + Род. п., которые позволяли аналитически выразить исконную, постепенно смещавшуюся на периферию семантику именованной связки *слыть*.

7. Связка *слыть* относится к числу уходящих из языка грамматических явлений. С 1920–1930-х гг. частотность ее употребления резко падает, однако в 1990–2000-е гг. отмечается некоторая активизация употребления связки. Современное употребление *слыть* характеризуется почти исключительным использованием присвязочной части в форме Тв. предикативного.

Источники

Арт. воинск. — Артикул воинский // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 327–365.

Богд., Опис. СПб — А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга: Полное издание уникального русского историко-географического труда середины XVIII века. СПб., 1997.

Брянц., Сл. о св. вещ. — А. М. Брянцев. Слово о связи вещей во вселенной... говоренное... июня 30 дня 1790 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 т. Т. 1. М., 1952. С. 363–376.

Гафар., Прест. межд. характ. — З. Гафаров. Преступления международного характера в глобализирующемся мире. М., 2006.

Гейм 1826 — И. Гейм. Полный российский-французско-немецкий словарь, сочиненный по новейшему изданию Словаря Академии российской и других: Т. 1–4. Издание 2-е, противу первого издания Словаря российско-французско-немецкого

г-на профессора Ивана Гейма исправленное и во многом дополненное Карлом Мессом. М., 1826.

Гимади, О нек. мат. модел. — Э. Х. Гимади. О некоторых математических моделях и методах планирования крупномасштабных проектов // Труды Института математики. Т. 10: Модели и методы оптимизации. Новосибирск, 1988. С. 89–115.

Десн., Сл. о юриспр. — С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Московского университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 т. Т. 1. М., 1952. С. 187–235.

Ершов, Навстречу тайне — А. А. Ершов. Навстречу тайне: очерки. Ташкент, 1989.

Зуев, Дары рус. л. — Д. П. Зуев. Дары русского леса. М., 1966.

Ильин, Иссл. и очер. — М. А. Ильин. Исследования и очерки: избранные работы об искусстве народных промыслов и архитектурном наследии XVI–XX веков. М., 1976.

Каз. ист. — Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2000. С. 252–509.

Котник 1967 — Я. Котник. Словенско-русский словарь. 2-е изд. Любляна, 1967.

Кр., Почт. Дух. — И. А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами // И. А. Крылов. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1945. С. 11–280.

Кр., Речь — И. А. Крылов. Речь, говоренная повесою в собрании дураков // И. А. Крылов. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1945. С. 316–323.

Кулеш., Анненков—мемуарист — В. И. Кулешов. П. В. Анненков — мемуарист // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 5–32.

Лом., Др. рос. ист. — М. В. Ломоносов. Древняя российская история // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л., 1952. С. 163–286.

Манд., Совр. пед. псих. — Б. Р. Мандель. Современная педагогическая психология. Полный курс. Иллюстрированное учебное пособие для студентов всех форм обучения. М.; Берлин, 2015.

Нов., Кошел. — Н. И. Новиков. Кошелек // Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 75–93.

Нов., Оп. ист. сл. — Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях // Н. И. Новиков. Избранные произведения. М.; Л., 1951. С. 277–370.

Нов., Посл. рос. — Н. И. Новиков. Пословицы российские // Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 221–258.

Нов., Трут. — Н. И. Новиков. Статьи из «Трутя» // Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 3–33.

Окладн. и др., Др. Зашив. — А. П. Окладников, З. В. Гоголев, Е. А. Ащепков. Древний Зашиверск. М., 1977.

Оп. Сиб. ц. — Описание новья земли, сиречь Сибирского царства // А. Титов. Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 55–101.

Орб., Кн. историограф. 1722 — Орбини Мавро (Мауро). Книга историография початия имени, славы и расширения народа славянского... Собрана из многих книг исторических, чрез господина Мавроурбина архимандрита Рагужского... Переведена с италианского на русииской язык и напечатана ... в Санктпитербургской типографии, 1722 году, августа в 20 день.

Пос., Кн. о скуд. и богат. — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве // И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие произведения. М., 1951. С. 5–244.

Посол. кн. с Ног. Ордой — Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006.

Сказ. Тихонова — Сказка О. Тихонова, август 1744 г. // Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981. С. 114–115.

Сков., Разг. назыв. Алф. — Г. С. Сковорода. Разговор, называемый Алфавит или Букварь мира (1760–1775) // Г. Сковорода. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 412–461.

Старажыт. беларус. літ. — Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / Уклад, прадм., камент. І. Саверчанкі. Мінск, 2007.

Тат., Разг. двух прият. — В. Н. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах (1733) // В. Н. Татищев. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М., 1996. С. 51–132.

Трет., Рассужд. о прич. изобил. — И. А. Третьяков. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов... говоренное... июня 30 дня 1772 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 т. Т. 1. М., 1952. С. 353–360.

Фонв., Пов. мн. глух. и нем. — Д. И. Фонвизин. Повествование мнимого глухого и немого // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 7–23.

Цып., Грам. кат. гл. — Е. А. Цыпанов. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005.

Щерб., О повр. нрав. — М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России // М. М. Щербатов. Избранные труды. М., 2010. С. 415–477.

Яв. челоб. Радилова — Явочная челобитная Ф. Радилова, 30 апреля 1747 г. // Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981. С. 187–188.

Литература

Апресян 2009 — Ю. Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М., 2009.

Арутюнова 1976 — Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976.

Арутюнова 1999 — Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М., 1999.

Барина 2012 — М. Ю. Барина. Связки с модальным значением кажимости // Рациональное и эмоциональное в русском языке. М., 2012. С. 28–31.

БАС, 7 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 7 (Н). М.; Л., 1959.

БАС, 13 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 13 (С — сняться). М.; Л., 1962.

- Блинова 2016 — О. В. Блинова. «Літвѣгы е за окримнѣ плымне»: предикативное имя в западнополесском письменном языке (на славянском фоне) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 112–120.
- Гиро-Вебер 2007 — М. Гиро-Вебер. Существительное в функции именного сказуемого в современном русском языке: возможно ли еще говорить о семантическом противопоставлении «Им. vs. Тв.»? // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 18–26.
- Зельдович 2005 — Г. М. Зельдович. Русское предикативное имя: согласованная форма, творительный падеж // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 21–38.
- Золотова 1988 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Ильенко 2009 — С. Г. Ильенко. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009.
- Копытов 2004 — О. Н. Копытов. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004.
- Лекант 1995 — П. А. Лекант. Функции связок в русском языке // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 90–95.
- Михайлов 2012 — Н. Михайлов. Творительный падеж в русском языке XVIII века. Uppsala, 2012.
- Морева, Шереметьева 2015 — Н. С. Морева, З. В. Шереметьева. Французские предложные выражения «en qualité de», «à titre de» «en guise de» на фоне русского предлога «в качестве» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 9 (51): В 2 ч. Ч. II. С. 139–143.
- Мразек 1964 — Р. Мразек. Синтаксис русского творительного (Структурно-сравнительное исследование). Praha, 1964.
- Мразек 1990 — Р. Мразек. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Vpno, 1990.
- Никитина 2011 — Е. Н. Никитина. Конструкции с именительным и творительным предикативным в русском языке (к проблеме взаимодействия грамматических категорий) // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 3–28.
- Николич 1847 — И. Николич. Синтаксис русского языка, составленный сравнительно с языком немецким. Дерпт, 1847.
- Никольс 1985 — Дж. Никольс. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 342–387.
- Никунласси 1993 — А. Никунласси. Именительный или творительный? Синтаксические прилагательные при полнознаменательных глаголах в русском языке: проблемы выбора падежа. Helsinki, 1993.
- Павловский 1859 — И. Павловский. Полный немецко-русский словарь. Рига, 1859.
- Петроченко 2006 — Т. В. Петроченко. Служебные лексемы с корреляционным компонентом (на материале лексикализованных предложно-падежных словоформ): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2006.
- Попова 2011а — Л. В. Попова. «А у нас-то клюкву жаровица зовут» // Русская речь. 2011. № 5. С. 89–96.
- Попова 2011б — Л. В. Попова. Семантика именного сказуемого с глаголами-связками «именования» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2011. № 3. С. 34–39.

- Попова 2013 — Л. В. П о п о в а. Связка в грамматической системе русского языка: Автореф. дисс. ... док. филол. наук. Архангельск, 2013.
- Прияткина 1975 — А. Ф. П р и я т к и н а. Союз «как» в значении «в качестве» (конструктивные свойства). Владивосток, 1975.
- Руднев 2014 — Д. В. Р у д н е в. Предикативное употребление существительного в форме «за + В. п.» в истории русского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2 (26). С. 7–16.
- Руднев 2015 — Д. В. Р у д н е в. Связочные глаголы со значением общего мнения в русском языке XVIII века // *Petra Philologica*: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия. (Литературная культура России XVIII века. Вып. 6). СПб., 2015. С. 200–213.
- САР, 5 — Словарь Академии Российской: В 6 ч. Ч. 5 (от Р — до Т). СПб., 1794.
- Семенова 2007 — Т. И. С е м е н о в а. Лингвистический феномен кажимости (на материале современного английского языка): Автореф. ... док. филол. наук. Иркутск, 2007.
- Сл. син., 2 — Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 2: О–Я / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 2003.
- СлРЯ XI–XVII, 25 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25 (Скорынья — Снулый). М., 2000.
- СлРЯ XVIII, 4 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4 (Воздух — Выпись). Л., 1988.
- СлРЯ XVIII, 10 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10 (Кастальский — Крепостца). СПб., 1998.
- СлРЯ XVIII, 14 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 14 (Напролет — Непоцелование). СПб., 2004.
- Смирнов 1899 — Н. С м и р н о в. Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. IV. Кн. 3. СПб., 1899. С. 1065–1087.
- Срезневский, 3 — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. Т. 3 (Р–Я и дополнения). СПб., 1912.
- СРНГ, 38 — Словарь русских народных говоров. Вып. 38. Скинать — Сметушка. СПб., 2004.
- СРЯ, 4 — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 4. С—Я. М., 1988.
- Старослав. сл. — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Хайдеггер 1997 — М. Х а й д е г г е р. Бытие и время. М., 1997.
- Хельмянова 2016 — Ю. С. Х е л ь м я н о в а. Категория кажимости и ее реализация в прозаическом наследии А. С. Пушкина: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2016.
- Черкасова 1967 — Е. Т. Ч е р к а с о в а. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.
- Черных, 2 — П. Я. Ч е р н ы х. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. Т. 2: Панцирь — Ящур. М., 1999.
- Шмелева 1988 — Т. В. Ш м е л е в а. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988.

- Aikhenvald 2004 — A. A i k h e n v a l d. Evidentiality. Oxford, 2004.
- Hentschel 1994 — G. H e n t s c h e l. Zur Verbreitung des prädikativen Instrumentals im Polnischen des 16. und 17. Jahrhunderts // Polonica. T. XVI. Kraków, 1994. S. 181–191.
- Ifantidou 2001 — E. I f a n t i d o u. Evidentials and Relevance. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Reinhart 1992 — J. R e i n h a r t. Zum urwestslavischem Verbum // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 30. 1992. S. 287–327.
- Reinhart 2003 — J. R e i n h a r t. Urslavisch *pol'vati* “misten; sich entleeren” // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Heft 63. 2003. S. 145–162.
- Schmidt 1844 — J. A. E. S c h m i d t. Vollständiges russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Leipzig, 1844.
- Słownik staropolski, 8/4 — Słownik staropolski. T. 8. Z. 4 (51): Skociec — Smętek. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980.
- Villanueva Svensson 2011 — M. V i l l a n u e v a S v e n s s o n. The accentuation on the infinitive type Latv. Kalt, Sl. *kól̥ti and the development of Indo-European molō-presents in Balto-Slavic // Baltistica. Vilnius, 2011. VII Priedas. P. 301–326.

Резюме

В статье представлен комплексный (грамматический, лексический, семантический, прагматический) анализ бифункциональной глагольной связки **слыть**, начинающая с древнерусского периода до настоящего времени. Описываются механизмы семантико-грамматической трансформации синкретичного глагола **слыть** от номинативного значения (‘называться’) к современному модальному значению (‘считаться’).

Ключевые слова: составное именное сказуемое, глагольная связка, присвязочная часть, референция, модализация, номинация, характеристика.

Получено 31.03.17

ALEXANDR V. ZELENIN, DMITRY V. RUDNEV

COPULAR VERB *SLYT'*: THE HISTORY OF MODALIZATION

The article presents a complex (grammatical, lexical, semantic, pragmatic) analysis of the verbal copula *slyt'*, from the Old Russian period to the present. The present study describes mechanisms of semantic-grammatical transformation of the syncretic copular verb *slyt'* from the nominative meaning (‘to be called’) to the modern modal meaning (‘to be considered’).

Keywords: compound nominal predicate, copular verb, nominal part of predicate, reference, modalization, nomination, characterization.

Received on 31.03.17